

17 23 184

1294

ОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

Ленинград

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ



НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ПО ДЕЛАМ

VIII

1723
1294

1723
M-5
1924

ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ПО-
ЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ НАЦИО-
НАЛЬНОСТЕЙ Р.С.Ф.С.Р.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М.П. ПАВЛОВИЧА, М. СУЛТАН-ГАЛИЕВА и И.П. ТРАЙНИНА.

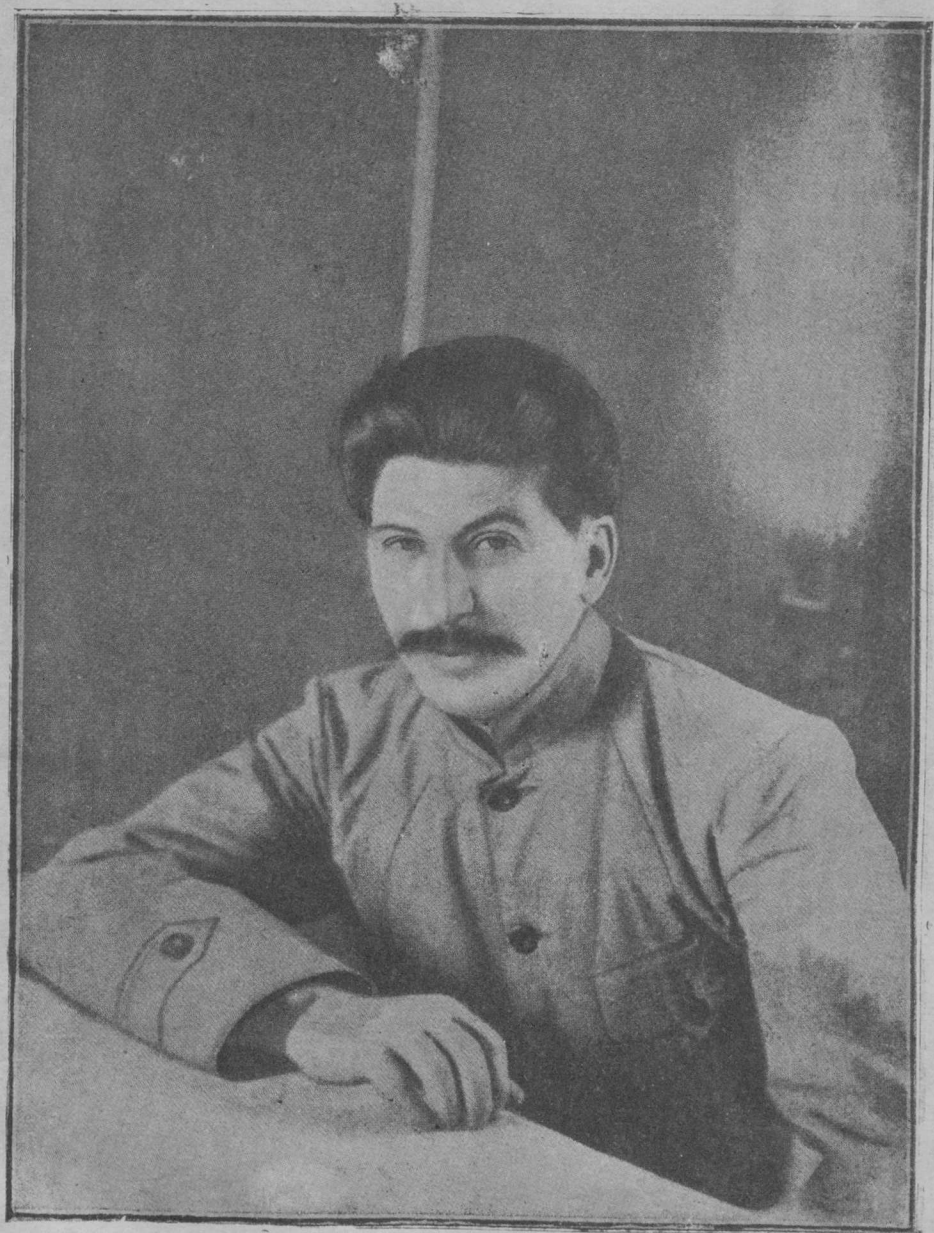
КНИГА ПЕРВАЯ.

ЯНВАРЬ, 1923.

3/54

МОСКВА—1923.





Народный Комиссар по делам национальностей
Иосиф Виссарионович Джугашвили - Сталин.



Совет Национальностей (Большая Коллегия Н. К. Н.).



Киргизская Автономная Республика.

Вести о февральском перевороте долетели и до далеких степей нынешней Киргизской Республики, до тех степей, где веками стоял под тяжелым игом царского империализма многострадальный киргизский народ.

Далекая обширная степь оживилась. Веками сдерживаемая народная энергия, бившаяся в тисках российского самодержавия, нашла выход в революционном энтузиазме и подъеме.

Но условия края, с разбросанным на сотни и тысячи верст населением, окруженным врагами революции, надолго задержали естественное развитие духовных сил населения, что впоследствии оказало огромное влияние на ход событий. Жители степей долгое время находились в неизвестности о развертывавшемся движении. Вести, шедшие из центра, или скрывались, или задерживались, а чаще извращались теми, кому так трудно было расстаться со своей властью,—и народ, находившийся веками в рабстве и угнетении, раз'единенный, не имевший почти никаких руководителей, естественно, оказался сбитым с толку и беззащитным от дальнейшего влияния тех или иных более организованных имущих групп.

Эти обстоятельства послужили благоприятной почвой для организации на территории киргиз всевозможных объединений для борьбы с революцией, тем более, что часть территории была заселена контр-революционным кулацким казачеством, получившим «по царской милости» огромные участки лучших земель трудового киргизского населения. Октябрьская Революция на пороге нашего края под гор. Оренбургом встречается с фронтом контр-революционного казачества во главе с атаманом Дутовым.

Не будучи в силах все-же сдержать напор революционных войск, а также встречая внутри себя сопротивление организующихся групп трудящихся, главари контр-революции рассыпались по степям, учиня жестокую расправу над инакомыслящими, разоря и истребляя мирное трудящееся население и его хозяйство, применяя всевозможные утопченные способы издевательства, виселицы и расстрелы.

Перед восторжествовавшей Советской властью стояла колоссальная работа не только в области совместной с Центром реальной ликвидации этих контр-

революционных банд и даже армий, но главным образом в области внедрения идей Октябрьской Революции в отсталую массу трудящихся киргиз и вовлечения их в активную борьбу. Обстановка для этого была в высшей степени неблагоприятная и тяжелая, ибо кроме контр-революционного казачества, среди киргизского населения в течение этого периода действовало своеобразное правительство «АЛАШ-ОРДА», объединившее около себя, как и повсюду на окраинах, узко-националистические элементы. Не имея определенной политической платформы и устойчивости, состоя из мелко-буржуазных интеллигентских элементов, оно вместе с белогвардейцами стало, в конце-концов, на почву вооруженной борьбы с Советской властью.

Руководителям «Алаш-Орды» казалось, что киргизский народ сможет стать свободным только при торжестве «демократии». Однако, жизненные интересы народа и ход событий вскоре подсказали широким массам степи другой путь—путь к Советской власти. Для простого «кедея» (бедняк) ведь совершенно непонятен был смысл блокирования «Алаш-Орды» с представителем кулацкого казачества атаманом Дутовым. Но он стал понимать большевиков, когда те беспощадно боролись с Дутовскими ставленниками. Он не только понимал, но и сочувствовал. Большевики несли ему социальное освобождение. Да и многие руководители «Алаш-Орды» вскоре после провала «демократии» в Сибири и выявления Колчаком своей физиономии постепенно стали понимать свое ложное положение. После назначения Колчаком своего губернатора в Уральскую область, где существовало областное правительство «Алаш-Орды» трудно было не понять смысла развивающихся событий. Дальше нельзя было упорствовать на союзе с «российской демократией», и «Алаш-Орда» должна была капитулировать перед Советами.

Только на исходе 1919 года был положен конец гражданской войне победой Красной Армии. Урок гражданской войны не прошел даром для трудящихся киргиз. У них было теперь достаточно опыта, чтобы уметь различать врагов от друзей. Все симпатии трудящегося населения были теперь на стороне Советской власти, освободительницы от белого террора. Нужно было только умелое руководство, чтобы направить волю трудящихся киргиз по руслу активного Советского строительства. На долю образовавшегося Военно-Революционного Комитета и выпала задача ликвидировать последние жалкие остатки «Алаш-Орды», неимевшей уж никакой почвы под ногами, и начать подготовительные работы по осуществлению в крае проводимой Советской властью национальной политики, которая поставила бы на реальные рельсы дело возрождения киргиз.

✓ 26-го августа 1920 года ВЦИК торжественно декретировал образование Киргизской Автономной Социалистической Советской Республики, и 4-го октября того же года в гор. Оренбурге открылся Первый Всекиргизский Съезд Советов.

Территориально Кирреспублика включает в себя Оренбургскую, Уральскую, Букеевскую, Кустанайскую, Актюбинскую, Семипалатинскую и Акмолинскую губернии и Адаевский уезд (Мангышлак). На очереди стоит присоединение киргиз-

ских частей Семиреченской и Сыр-Дарьинской Областей, а также и части Омского уезда с гор. Омском. Общая площадь приблизительно равна 2.790.000 кв. верст. Количество жителей 4.968.751.

Говоря о революционных достижениях Кирреспублики, необходимо учесть краткий срок нормальной советской работы, не позволявший в достаточной мере развернуть силы, тем более, что страшные голодные годы (1921—22 г.) погубили многие неокрепшие начинания. Урожай 1922 года, ввиду засухи и распространившейся по краю саранчи, окончательно погиб в большей части губерний Кирреспублики. Голод охватил пять губерний, в которых в апреле месяце 1922 г. из 3.352.228 человек населения число голодающих достигало 2.350.591 человек, т. е. более $\frac{2}{3}$ населения.

Потоки голодных масс, хлынувшие из Поволжья и соседних голодающих губерний, углубили бедствие, а с наступлением зимы голод еще более усилился, развились эпидемии, и, в связи с отсутствием продовольственных и денежных средств и запасов, вследствие снежных заносов, плохих путей сообщения и общего разрушения сельского и скотоводческого хозяйства, Кирреспублике пришлось пережить трагическое время, дойдя до ужаснейших дней трупоедства и людоедства.

Основным занятием населения по прежнему является скотоводство и земледелие. Скот служит для общей массы кочующего населения источником жизни и благосостояния.

Долгое время преобладающим было коневодство, что объяснялось обилием обширных ковыльных степей, но с конца прошлого десятилетия лошадь начинает уступать рогатому скоту. Кочевники крупного рогатого скота не имеют, он разводится лишь оседлым населением. Вообще же скотоводство, особенно коневодство и овцеводство, ведется примитивным способом: лошади круглый год, а овцы—большую часть года содержатся на подножном корму. Это дает возможность содержать огромные стада, не делая запасов сена, но в то же время является часто источником ужаснейшего бедствия, именуемого «джут» (гололедица). Скот, пасущийся и зимой на подножном корму (этиобеневка), вследствие глубокого снега и мороза, бывает не в состоянии пробить копытом корку льда, чтобы достать себе травы, и погибает от истощения.

Бедствия еще неизжитого голода в Кирреспублике значительно осложнились именно недавним «джутом». Вообще же скотоводство, имевшее тенденцию к расширению, благодаря тяжелым условиям империалистической и гражданской войны, пришло в страшный упадок.

Статистические данные о скотоводстве в Западной Киргизии говорят, что (в переводе на лошадь) на одно хозяйство было 23 головы в 1917 году, а в 1920 году всего 5,7. По данным Кирстатбюро и сведениям с мест количеств скота в Кирреспублике к 1-му января 1922 года сократилось сравнительно с 1917 годом на 74,4%, а сравнительно с довоенным временем сокращение к весне достигло 94—98%. Оно шло по всем видам скота, но особенно большая убыль наблюдается в отношении мелкого скота—овец и коз. Ввиду такого катастрофического положес-

ния, Кирнаркомзем образовал специальную комиссию, которой разработаны меры по борьбе с уничтожением скота.

В связи с миновавшим «джутом» можно вновь ожидать прочного оседания значительных масс киргизов-кожевников, перехода их к земледелию и другим промыслам.

Заниматься земледелием киргизы начали всего лишь с 70 годов под влиянием соседних более культурных русских поселков. Хлынувшая в довоенное время из центральных губерний Европейской России волна переселенцев, осевших среди киргиз, вызвала громадный спрос на землю и пробудила у киргиз еще больший интерес к земледелию, и последние начали увеличивать свои посевы. Плодородные черноземно-видные суглинки, дающие сравнительно высокий урожай, служили причиной вторжения в Киргизию русских предпринимателей и арендаторов. Все больший захват земли под посевы вызывал сокращение площади пастбищ и сеял антагонизм между коренным и пришлым населением.

Как и скотоводство, земледелие Кирреспублики ведется примитивным способом и сопряжено с хищническим расточением земли, так как по большей части посев идет по вновь распаханым землям, делается по несколько лет под ряд, приводя, таким образом, участок в полную негодность. При своей малокультурности население не считается ни с почвенными, ни с климатическими условиями в своем безудержном стремлении сеять пшеницу (около 70%), благодаря чему средний урожай неизменно падает. Из прочих хлебов сеются рожь, овес, ячмень, просо и некоторые другие. Площадь посева, возраставшая вплоть до 1917 года и достигавшая около 3 миллионов десятин, испытывала затем повсеместное сокращение и дошла в 1922 году до 700.000. Заявка Кирнаркомзема на семзерно была удовлетворена в 85%. В настоящее время при урожае большею частью выше среднем и и даже хорошем, есть надежда на восстановление сельского хозяйства, а при некоторой поддержке степень этого восстановления может быть довольно значительной, и площадь посева может достигнуть площади 1920 г.

Сделав беглый обзор состояния двух важнейших факторов экономической жизни Кирреспублики, остановимся вкратце на положении промышленности, перед которой Октябрьская Революция вызвала не менее грандиозные перспективы. Из многочисленных отраслей кустарной промышленности сохранились и имеют шансы на дальнейшее развитие кожевенные артели, при условии поддержания их сырьем, мостовьем и материалами для обработки. Это исконное занятие населения, связанное с скотоводством, в части заготовки сырья занимало одно из первых мест на мировом сырьевом рынке (до 1.500.000 кож). Целый ряд других промыслов находится в упадочном состоянии и нуждается в поддержке сырьем и необходимыми материалами.

Что касается горной промышленности, то все рудники, заводы и копи (серебро-свинцовые, золотые, каменноугольные) сосредоточивались раньше в руках многих фирм и акционерных обществ.

В настоящее время почти все они пришли в упадок. К числу предприятий, имеющих большое значение для Киркрая, относятся Экибастузские каменноуголь-

ные копи, разработка золота в Усть-каменногогорском и Зайсанском уездах, а также и серебро-свинцовый рудник Риддер (ныне восстанавливаемый). Удовлетворительно работает лишь Илецкий соляной промысел. Громадные же соляные богатства многих других соляных озер, выбрасывавших в довоенное время десятки миллионов пудов соли, остаются пока почти неиспользованными.

Все вырабатываемые планы обращают большое внимание на восстановление указанных отраслей промышленности. Но без проведения железных дорог они будут обречены на жалкое существование. Отсюда вытекает огромное значение скорейшей реализации идеи южно-сибирской магистрали железных дорог, которая прекратилась постройкой из-за голода, отсутствия денег и материалов. Постройка линии Коктев-Петропавловск, к счастью, продолжается. Насколько же беден край железными дорогами, показывают цифры: на 100 кв. верст территории приходится 0,08 верст пути. Если к этому добавить, что в результате гражданской войны и общехозяйственной разрухи расстроились водное и сплавное сообщения, то получится яркая картина оторванности от культурных центров.

В связи с небывалым голодом 1921—22 года, естественно, приостановилось и дело культурного строительства. Если к началу учебного 1921 г. приходилась одна школа на 1.040 человек (при 5.322 школах 1-й ступени, 116-ти второй и 113 профессиональных), то к концу его их не осталось и половины. Эпидемии тифа и холеры еще усугубили разрушение, уничтожая с таким трудом созданные культурные учреждения.

В настоящее время Кирреспублика изживает последствия голода, ликвидированы окончательно бандитские шайки, пытавшиеся использовать в своих целях народное несчастье—голод; центральные и местные органы власти окрепли; трудовые массы, верные идеям Октябрьской Революции, принимают активное участие в Советском строительстве.

Перед КЦИКом III-го созыва — огромная работа, но уже мирного строительства: по укреплению советской власти на местах, углублению принципов советской системы в широких массах, ликвидации последствий голода, по восстановлению сельского и скотоводческого хозяйства и, главное, промышленности, в области которой, несмотря на все пережитые испытания, проделана большая работа в смысле объединения промышленности и подготовки сил к бою на хозяйственном фронте.

Все трудящиеся Кирреспублики сейчас знают и чувствуют, что тяжелый путь пройден, что власть крепко держат мозолистые руки трудящихся масс, и что при совместной и дружной работе и помощи своих братьев-рабочих и трудового крестьянства Федерации—они выйдут победителями из хозяйственной разрухи и восстановят хозяйственную жизнь своего края на благо трудящихся всей Федерации.

Правда, много жертв принесено за это время, много пережито и перенесено, но пятая годовщина Октябрьской Революции вливает в сердца трудящихся новые силы и уверенность в конечной победе.

Пословица говорит: «Кто двигается—перевалит через горы». Степь же «двигается» и развивается. Растет и идет на смену уставшим новое, советское поколение степной молодежи. Растут и крепнут ряды строителей народного дела. Однажды пробужденная мысль не уснет.

В этом залог конечной победы Красного Октября в Советской степи.

С. Мендешев.

Туркестанская Автономная Республика.

«Елли жылда ель озгерер» (в пятьдесят лет меняется народ),—говорит народная киргизская поговорка. Но 50 лет — это масштаб до-революционного развития, темп «мирной» эволюции. И, конечно, смело можно утверждать, что последние пять лет истории Туркестана по своей силе, интенсивности и значению для Туркестану гораздо больше, чем все предыдущие пятьдесят лет пребывания этой страны под царским игом.

Для царской России Туркестан являлся колонией со всеми проистекающими отсюда политическими и экономическими следствиями. Страной управляли в действительном смысле этого слова «господа ташкентцы» на основе военного управления. Только в Туркестане эти предприимчивые «ташкентцы» могли смело продавать ветер местному населению, предвзительно монополизировав его (ветер!) особым приказом¹⁾.

Потребность послереформенной промышленности России в рынке, борьба между Россией и Англией во второй половине XIX столетия в Азии, заставившие царскую Россию взять на себя «культуртрегерские» задачи в Средней Азии, определили сущность и содержание всей политики Петербурга по отношению к своей новой колонии.

Путем поощрительной таможенной политики и установления благоприятного для хлопководства соотношения рыночных цен на хлопок и хлеб, буржуазии метрополии удалось настолько развить хлопководство, что к 1915—1916 г. г. площадь засевов хлопка достигала 600.000 дес. Вся плодородная долина Ферганы превратилась в огромную хлопковую плантацию. Туркестан (11—12 милл. пудов) и Закавказье (1 милл. пудов) удовлетворяли уже половину сырьевой потребности текстильной промышленности центра. На месте возникла целая хлопкоочистительная промышленность, образовалась целая сеть банков и т. п., финансировавших хлопковое дело. Страна, прозябавшая до того в путах замкнутого на-

¹⁾ Этот неправдоподобный на первый взгляд случай, имел место в Нарынск. у., Семиреч. обл.

турального хозяйства и разорявшаяся беспрерывными набегами беспокойных кочевников, вступила на путь капиталистического развития. Отсталый феодально-патриархальный быт туземного (особенно узбекского) населения затрещал по всем швам. Однако, метрополия и интересы ее крупной промышленной олигархии не могли допустить дальнейшего развития колонии, которая должна была оставаться и впредь лишь в роли поставщицы сырья. Таким образом, при наличии всех экономических данных на месте все же не могла возникнуть текстильная промышленность с индустриальным туземным пролетариатом.

Но и этой ломки старых хозяйственных форм было достаточно, чтобы вызвать к жизни целый ряд новых общественных отношений.

Кустари со своими средневековыми цехами, туземная деревня с ее патриархальным бытом подверглись жестокому разгрому. Правда, разгром еще вполне не завершен, но уже невозможно стало и возвращение «добрых старых прав». К тому же, под сенью великодержавного российского капитала, выросла и распустила крылышки местная торгово-посредническая буржуазия, которая к 1917 году заявила также свои «национальные права» на хозяйничанье в стране. Процесс дифференциации общества, в главной массе населения состоящего из крестьян, был неизбежен в силу, прежде всего, капиталистического характера постановки хлопкового дела (кредит).

Благодатная, плодородная почва с теплым климатом и с трудолюбивым крестьянством! Однако, это крестьянство из года в год все больше и больше закабалялось капиталом и жило впроголодь. Постепенно, когда сельское хозяйство втянулось и подчинилось всем законам денежно-товарного оборота, начало расти крупное землевладение. К 1917 г., например, весь Андижанский уезд, Ферганской области, уже принадлежал крупному местному капиталисту. Соответственно этому, стали расти группы безземельного и малоземельного дехканства. Развились отхожие промыслы. Скотоводческие же районы Туркестана (главным образом, Сыр-Дарьинской и Семиреченской области) подверглись стихийной колонизации, усиливавшейся особенно с неурожаями в России. Посредством такой колонизации «пустующих киргизских земель» государством «совершенно законно» захватывались земли туземцев. Царский закон еще в 60-х годах прошлого столетия объявил все киргизские земли «принадлежащими государству». Царистское правительство этим путем убивало сразу двух зайцев: разряжало атмосферу земельной тесноты в помещичьей России и укрепляло свое политическое положение в Средней Азии «русским элементом».

Первые русские поселения в Семиречьи состояли из казаков и отпущенных. Впоследствии, однако, главную массу переселенческих волн составляли крестьяне Юга России. Главное зло царской колонизации сводилось к тому, что, во-первых, колонизация почти до 1910 года носила стихийный характер, и царистское правительство не считало себя обязанным заботиться о «бродячих племенах», приговоренных историей (чит.: правительством) к вымиранию; во-вторых, под видом пустующих земель отбирались в принудительном порядке обрабатываемые киргизской беднотой участки, сносились строения и т. п. В подкрепление всех прави-

тельственных «мероприятий» кулацкие элементы казачьих и крестьянских поселений изо дня в день устраивали «погромы» местной бедноты, грабежи, потравы и т. п. насилия при одобрительном к этому отношении местных властей. Никаких гарантий личной или имущественной неприкосновенности по отношению к одной группе населения и, наоборот, поощрение всех колонизаторских безобразий—вот общая картина взаимоотношений населения с властью, приведших к известному киргизскому бунту 1916 года.

Родовой быт киргиз распадался. Он не мог оставаться неприкосновенным при столкновении со все более и более расширявшейся сферой капитала и при систематическом расширении земледельческой полосы. Правительство все же старалось вдоволь использовать в своих политических целях родовые верхушки—манапов и баев, в руках которых фактически находились низшие административные и судебные посты. Вот почему при объявлении царского приказа 1916 года о мобилизации туземного населения на тыловые работы — восставшее население постаралось «ликвидировать» в первую голову свои «верхушки» (волостных управителей и т. д.), которые по смыслу приказа имели право откупа. Масса выкинула лозунг: на тыловые работы должны идти все или никто! Восстание, разросшееся в широкое народное движение, сразу приняло характер борьбы за землю.

Бунт был подавлен — подавлен жестоко. Хотя бунтовщики в том же 1916 году ушли в пределы соседнего Китая—тем не менее «ликвидация бунта» продолжалась целых три года!

Вот цифры: в 1916 году в Семиречьи насчитывалось 1.925.000 чел. киргизского населения; в 1920 году, по переписи стат. управл., оказывается немного больше 500.000 чел. В 1916 году в том же Семиречьи было более 6.000.000 голов мелк. рог. скота; в 1920 же году насчитывается немного более 1.000.000 голов мелк. рог. скота.

К этим цифрам нечего добавить. Кровавый туман, нависший над туземным населением в эти ужасные годы карательных отрядов и пьяного кулацкого разгула, явился для темного туземного населения наглядным уроком о характере и природе не только царской политики, но и политики Временного Правительства, которое было бессильно оградить туземцев от кулацких погромов. Киргизская масса не могла удовлетворяться псевдо-демократическими речами Керенского и его кадетских представителей в Ташкенте. Всем памятно заявление Керенского, в котором возвещалось, что «Вр. Правительство знает и внимательно относится к нуждам Туркестана. Туркестанцы должны терпеливо дожидаться решения Учредительного Собрания по основным вопросам... Россия еще достаточно сильна, чтобы справиться со всякими сепаратистскими и тому подобными настроениями» (!). Так говорил глава правительства, которое было бессильно что-либо сделать, кроме адвокатски-эффектных жестов.

При всей своей отсталости туземная масса Туркестана вскоре после этих правительственных «заявлений» стала понимать, что это «шалтай-болтай» правительство стоит на базаре не дороже гнилой дыни.

В чрезвычайно тяжелой обстановке пролетариату отсталой колонии, не имеющему за собою революционного опыта, пришлось выступить в роли господствующего класса. К этому же и обстоятельства не дали ему возможности долго размышлять над своими задачами.

Неурожай и гололедица 1917 года и потом колоссальный голод, вырвавшийся в некоторых районах до 60% населения (Сыр-Дар. Обл.); Оренбургский и Закаспийский фронты; авантюра туземной буржуазии с ее кукольным «Автономным правительством Туркестана» в Коканде; январьская контр-революция (1919 г.) в Ташкенте, во главе с предателем Осиповым, выступление Бухарского эмира—вот краткий перечень событий, из которых каждое подрывало и без того подорванное народное хозяйство Туркестана. К тому же следствием контр-революционных выступлений буржуазии и кулачества в России и Туркестане (Дутов, Комуч и Колчак) явился механический отрыв Туркестана от России, что в свою очередь нанесло сильнейший удар народному хозяйству, в особенности хлопководству. Интенсивное хлопковое хозяйство оказалось разрушенным. Экстенсивная же злаковая культура, к которой перешло народное хозяйство, не могла и не может прокормить все население. Часть населения оказалась выброшенной из хозяйственной жизни страны и составила тот горючий материал, который немедленно был использован белогвардейцами различных мастей. Так возникло басмаческое движение в Туркестане.

Ошибки и промахи Советской власти первого периода (вооружение дашнаков и т. п.) придали одно время басмачеству окраску чисто белогвардейского движения, связанного с общероссийской контр-революцией (известный главарь басмачества Мадамин-Бек в чине полковника был зачислен Колчаком в состав его армии) и Антантой (Кашгар).

Однако на пороге шестого года Советская власть в Туркестане может констатировать, что басмачество—эта язва на теле народного хозяйства всей федерации—переживает свои последние дни. Крестьянская масса отвернулась от басмачества, выявившего полностью свою бандитскую физиономию, а новая экономическая политика почти окончательно его доканала.

Теперь, когда создана обстановка, благоприятная для планомерного возрождения хозяйства, необходимо ознакомиться с теми изменениями, которые произошли в социально-экономической структуре страны за пять лет революции.

Начнем с сельского хозяйства, составляющего главную основу экономической жизни края. Нижеприводимая таблица («Народн. Хоз.»—Севастьянов, № 234 «Туркестан. Правды») указывает на достигнутое за последнее время увеличение площади посевов.

В 1915 г.	посевная площадь	3.288.331 дес.
» 1917 г.	»	» 2.585.094 »
» 1919 г.	»	» 1.180.069 »
» 1920 г.	»	» 1.677.689 »
» 1921 г.	»	» около 2 милл. »

Эти цифры, подтверждаемые наблюдениями, показывают повышение интереса дехкан к хозяйству. Однако, простое расширение площади посевов без поднятия технических культур не является решением задачи. Хлопководство, составляющее одну из важнейших отраслей сельского хозяйства, находится в самом упадочном состоянии. Это видно из того, что хлопковых посевов в 1915 году было 19% общей поливной площади, в 1917 г.—13%, в 1920 г.—9%, а в 1922 г.—еще меньше. (См. тот же № «Туркестан. Правды»).

Выражая падение хлопководства для большей наглядности в абсолютных цифрах, мы получим 40—45 тыс. дес. (1922 г.) против почти 600.000 дес. (1915 г.). Такое положение нетерпимо с точки зрения не только туркестанского сельского хозяйства, но и интересов текстильной промышленности центра, являющейся одним из жизненных нервов всей Сов. Федерации. Предполагающаяся в ближайшем будущем переброска хлеба из центра в Туркестан (от 500 тыс. до 2 милл. пудов), проектируемая организация в Туркестане сел.-хоз. банка и сети мелких кредитных товариществ и т. п. меры дают основание полагать, что тем самым будет положено начало возрождению хлопководства. Восстановление этой отрасли потребует много времени и упорного труда, но начало уже сделано.

Если мы далее обратимся к скотоводческому хозяйству, занимавшему в свое время важное место в народном хозяйстве Туркестана, то придется констатировать несомненное падение этого вида хозяйства. В особенности падает табунное кочевое хозяйство (то же самое наблюдается и в Киргизской республике). Прежде кочевникам принадлежало 90% всего скота Туркестана, а ныне только 58%. В общем же составе скота с 1917 г. по 1920 г. замечается увеличение рогатого скота с 12% до 17% и уменьшение овец с 61% до 49%. Это говорит за усиление стойлового содержания скота. Среди кочевого населения идет быстрый процесс разложения родового быта и оседания на землю. Вот цифры:

До войны общее число кочевых хозяйств по отношению ко всем остальным видам сельского хозяйства составляло 24%; к 1920 году этот процент понижается до 10. Если взять цифры роста населения по категориям, то опять подтверждается общее положение о падении скотоводства. С 1917 по 1920 г. количество русских увеличилось на 1,8%, оседлых туземцев на 3,6%, а количество кочевников на 5,4%. Все эти цифры приблизительны и неточны. Тем не менее при всем критическом отношении к ним—выводы, в общем, правильны. Это есть показатель формирования нового общества, новой общественности.

Но отсюда делать вывод,—как это любят делать иные советские «культуртрегеры»—вывод о необходимости декретирования обязательного оседания—было бы актом полнейшего невежества, непонимания историчности явлений такого порядка. Задача Советской власти сводится к помощи, к содействию, необходимому для безболезненного перехода от одной ступени на другую ступень общественного развития.

Одной из мер Советской власти, способствовавшей туземной бедноте осесть в большой массе, явилась земельная реформа 1921 года, главным образом в Семиречьи. Нельзя не отметить и политического значения этого мероприятия, важности

которого многие часто не учитывают. Ликвидация «исторической несправедливости», доставшейся Советской власти в наследство от царского и Временного Правительств, выразилась в землеустройстве более 25.000 туземной безземельной бедноты (главным образом, батраков) за счет кулачества пришлого населения и дала Советской власти возможность проникнуть в туземную деревню и организовать ее безземельную и малоземельную бедноту в революционные союзы «Кошчи». Это мероприятие наглядно показало бывшим колониальным рабам, что Советской власти совершенно чужда всякая великодержавная, националистическая политика буржуазных правительств. В экономическом отношении оно содействовало той тенденции оседания, которая ясно намечалась к этому периоду среди бедноты кочевников. Это мероприятие явилось также одним из факторов классового расслоения туземного населения, так как крупные скотоводы были консервативным, враждебно настроенным к оседанию элементом. Задачей Советской власти в настоящий момент, как и правильно отметила недавняя VII конференция К. П. Т.—является хозяйственное укрепление новоустроенных хозяйств в районах, где проводилась земельная реформа.

Неблагополучно обстоит пока еще с промышленностью Туркестана. Как указано выше, промышленное развитие Туркестана происходило в ненормальных условиях взаимоотношений колоний и метрополии. Таким образом, вполне понятно, почему при наличии всех данных в Туркестане не могла возникнуть самостоятельная местная индустрия. Туркестан—колония—должен был поставлять хлопок, шерсть, кожу и т. п., подвергая их первичной обработке. Такого рода предприятий в 1920 г. по переписи было 903 с 32.065 чел рабочих. Довоенная хлопковая промышленность с общей производительностью свыше 100 милл. рублей сосредоточена была главным образом в Фергане и за последние годы подверглась сильному разгрому. Из 274 национализированных Советскою властью хлопкоочистительных заводов в 1921 году могли быть пущены лишь 21. Маслобойная промышленность, развивавшаяся параллельно с хлопковой, также сильно пала (1—2 завода).

Долгое время Туркестан после присоединения к России не мог сводить свой баланс без дефицита. Только с 1908 года Туркестан стал в бюджетном отношении твердо на ноги и стал даже вносить некоторую сумму в общегосударственную казну. Печальное состояние промышленности в настоящем, конечно, долгое время тяжелым бременем будет ложиться на бюджет Туркестанской республики. Наши достижения в области народного хозяйства Туркестана, которые могут быть в общем выражены в увеличении посевной площади и росте заинтересованности населения в подъеме сельского хозяйства, в конечном итоге тесно связаны в дальнейшем своем развитии с делом восстановления хозяйства в Центральной России (сельское хозяйство, железн. дор и т. п.).

Залогом быстрого развития промышленности на месте в ближайшем будущем является прямая заинтересованность не только Туркестана, но и всей Федерации в возрождении хлопководства. Ответственный руководитель хозяйственной жизни Туркестана тов. Любимов в местной печати ставит эту задачу краеугольным камнем своей хозяйственной программы. Эта первая часть программы, в силу

социалистического принципа приближения промышленности к источнику сырья, с целью преодоления прежнего колониаторства, закончится организацией в широком масштабе текстильной промышленности на месте.

Постройка Семиреченской железной дороги, к которой предполагается приступить с весны 1923 года, путем привлечения государственного и частного капитала на началах «акционерного общества», становится реальным фактом и это обстоятельство, несомненно, является шагом, приближающим нас к разрешению и хлебной проблемы Туркестана. Недостаток продовольственных ресурсов в хлопковых районах и в до-военное время, отмеченный в свое время ревизией графа Палена, составляет сейчас одну из важных задач при организации промышленности. Постройка Семиреченской дороги, которая даст хлебные излишки этого огромного района, имеет огромное значение в вопросе о промышленности Туркестана. Окончание гражданской войны в крае, затянувшейся дольше, чем в других районах федерации, дает возможность уже сейчас немедленно приступить к этой работе.

Туземная беднота, главным образом, рабочие кожевенных и хлопкоочистительных заводов и кустари, постепенно втягивается в общесоветское строительство. Судя по приблизительным данным, уже 35—40% всей советской и партийной работы обслуживался местными работниками. Это является огромным завоеванием Советской власти ²⁾.

Обратимся, наконец, к нашим достижениям в области культуры. Дело просвещения масс, как и на всем остальном Востоке, долги века находилось в руках мусульманского духовенства. Схоластика и фанатизм расцветали на основе отсталых феодально-патриархальных отношений. Бухара—(Бухара и Шериф) выполняла роль очага мракобесия на протяжении всей Средней Азии и Поволжья. В эпоху электричества, целое поколение средне-азиатских жителей изучало в своих высших школах космографию по Птолемею (Батлимус), и каждый вольнодумец мусульманин свободно мог оказаться в положении Галилея в средне-вековой Европе. Вот таблица, показывающая количество высших и низших школ, руководимых духовенством. Цифры относятся к 1913 году: ³⁾.

Название области.	Медресе и учащиеся	Мектеб и учащиеся
	(высш. дух. школы)	(низшие школы)
Сыр-Дарьинская область	31 — 862	1.411 — 13.118
Фергана	184 — 6.535	2.559 — 31.112
Самаркандская область	92 — 990	2.753 — 20.500
Закаспий	63 — 719	492 — 2.903
Семиречье	5 — 521	75 — 2.231

²⁾ Приведу характерный пример: когда в 1921 году на Намире, границе с Афганистаном, где чрезвычайно темное киргизское и таджикское население, видевшее раньше лишь русских чиновников, не имело никакого представления о Советской власти, впервые появился в качестве комиссара т. Шо-Тимор (коммунист-выходец из этого района), то изумлению местного населения не было предела... «Как же,—рассуждали памирцы,—наш Шо-Тимор—наш начальник. Значит Сов. власти безразлична народность, лишь был бы хороший и честный человек».

³⁾ Таблица заимствована из журнала «Билим-Очалы» (Ташкент, 1922).

Советская власть должна была этой громаде конфессиональных школ противопоставить советские школы для туземцев.

«Культуртрегерское» правительство царя, проводя политику руссификации страны через своих миссионеров (например, Остроумов в Ташкенте), всячески поощряло мусульманское духовенство в его борьбе с прогрессивной частью туземного общества. Письма известного миссионера Ильминского к одному из столпов царистской реакции Победоносцеву бросают яркий свет на политику царского правительства в Туркестане.

В настоящее же время в Туркестане мы имеем: 314 городских и 704 сельских школ первой ступени, 45 школ второй ступени, 160 детских домов, 131 детское общежитие и две опытно-показательные школы. По дошкольному воспитанию — 39 детских садов, 24 детских дома и 16 очагов. По отделу воспитания дефективных детей — 22 коллектора, 42 дома-колонии и 2 школы для дефективных детей.

Учреждения Соцвоса обслуживают около 200 тысяч детского населения.

По отделу профессионального образования имеется: промышленный экономический техникум, 3 технических училища, 3 политехникума, 6 педагогических училищ, 2 художественных техникума, школа туземцев-наборщиков, 2 школы труда, ремесленное училище, 5 институтов просвещения и т. д. и т. д.

Наконец, высшая школа в Республике представлена туркестанским государственным университетом (при 3.000 студентах) с рабочим факультетом при нем. Кроме того, до двухсот человек туземцев учатся в Москве.

Конечно, не может быть сомнения в исходе этой борьбы — нового со старым. Старое уже сейчас постепенно умирает.

Возьмем, наконец, современную литературу туземцев, являющуюся показательной для характеристики внутренних «сдвигов», происшедших в мировоззрении туземного общества. Прежде всего, следует отметить изменения, которые молодыми узбеками вносятся в старый, неповоротливый язык, в напыщенный стиль средневековья и т. д.

Язык и стиль стараются приблизить к живой, народной речи, изгоняя арабизмы и фарсизмы. И впервые в литературе узбеков начинают петь «про горькую нужду» бедноты.

Современная узбекская литература молода. Она еще бедна громкими именами, но уже сейчас насчитывает около десятка молодых писателей и поэтов, которые, «изменяя» обычаям старины, пишут не про соловья и розу, а про революцию, про грядущее освобождение Востока и т. д.

Несколько иное положение киргизской литературы. Благодаря особым условиям жизни, киргизский язык сохранился в чистоте и развился самостоятельно. Современная литература киргиз возникла на основе богатого народного языка. Возникшая в 60 годы прошлого столетия, она была пропитана народническим духом русской общественности тех годов (Абай). Еще до революции на киргизский язык были переведены многие произведения: Пушкина («Евгений Оне-

гин» и т. д.), Лермонтова («Кинжал», «Думы», «Дар Терека», «Мцыри» и т. д.), Крылова (все его басни), Чехова (некоторые его рассказы) и т. д.

Новая же литература периода советской власти растет, питаясь идеей борьбы за освобождение трудящихся.

Масса в этих песнях также отметила свое отношение к советской власти. Одна народная песня (Семиречье) говорит, что «киргизский народ будет жить только при советской власти».

Туземная журналистика также сделала огромный шаг вперед.

Такие журналы, как «Инкилаб» («Революция»), «Хакикат» («Истина»), «Билим Очагы» («Очаг знания»), «Туркмен-Эли» («Туркменский народ») и др. распространяются далеко за пределами Туркестана (Кашгар, Кульджа, Поволжье, Бухара, Хива и т. д.). Почти каждый крупный город уже имеет по несколько газет, выходящих на русском и местных языках. Вся эта новая общественность и культура зарождаются в отсталой стране, служившей в течение 50 лет колонией.

Теперь бывш. «Туркестанский Край» является Туркестанской Социалистической Советской Республикой, входящей в состав Р. С. Ф. С. Р. в качестве автономной единицы. Шовинистически настроенная часть туземной мелко-буржуазной интеллигенции в свое время (1917—18 гг.) заявлявшая о своем «историческом и национальном праве» на управление страной, ⁴⁾ ведет еще антисоветскую пропаганду, подзуживая темные массы басмачества к борьбе с Советами «за Ислам и за свободный Туркестан». Выставляя себя патриотами, эта часть интеллигенции готова басмаческими руками совершенно разорить народное хозяйство страны. Она же принимала явное и тайное участие в аванюре Энвера. Она готова пойти на услужение Антанте (процесс Г. Каримова и Садреддина в Ташкенте) для удушения власти трудящихся. Охваченная злобой и слепой ненавистью к советской власти, она служит Антанте и ее большим и малым прислужникам болтовней «о советском империализме» ⁵⁾.

Но трудящаяся масса не поддается обману и клевете. Пройдя через горнило гражданской войны, она поняла, что Антанта является порабощительницей народов Восток (Закаспийское правительство!), что народы колониального Востока добьются освобождения только в союзе с восставшим пролетариатом.

Напрасно Англия старается сеять клевету и ложь про советскую власть в соседних с Туркестаном странах Востока (Кашгар и т. д.). Идея советской власти

⁴⁾ «Кокандская Автономия» — см. мою статью в «Сборнике статей в 4 годовщину Сов. вл. в Туркестане», Ташкент, изд. Ц. К. К. П. Т.

⁵⁾ Один персидск. товарищ рассказал мне следующий характерный для наших врагов случай: губернатор Хорасана (Сев. Персия) однажды собрал несколько молодых персов, увлекавшихся идеями Советск. власти, и сказал: «Дети мои! Ведь в сущности никакой перемены в России нет. Если Николай проводил свои границы черным карандашом, то Ленин проводит красным. Только в этом и разница!».

проникает через все кордоны и волнует широкие массы дехканства и кустарей, изнемогающих в тисках торгово-ростовщического капитала ⁶⁾.

Трудовая масса Туркестана поняла свою роль у порога Индии и др. восточных колоний и полуколоний Антанты. Эта роль заключается в том, что, воспринимая от пролетариата передовых стран Запада методы борьбы за свое социальное освобождение, трудящаяся масса Туркестана применяет их на своей родной почве и передает дальше колониальным рабам капиталистического Запада.

Логикой борьбы угнетенный Восток втягивается в сферу влияния международного пролетариата. Под руководством советов отсталые массы Востока проходят свою «сокращенную историю» развития, нагоняя ушедший вперед Запад.

Советский Туркестан в результате своего пятилетнего революционного развития является живым доказательством этому положению.

Н. Тюркулов.



⁶⁾ В Китайском Туркестане умами крестьянства завладела Сов. власть, которая «землю бесплатно и поровну поделила между крестьянами». В результате этого до 300 чериков (киргизы, служившие наемниками в китайской армии), побросав оружие, перешли в 1922 году (июнь—июль) границу. Это есть результат зем. реформы в Туркестане.



Хорезмская Советская Народная Республика.

Пятая октябрьская годовщина почти совпадает с третьей годовщиной хивинской революции. Значение Октября, всколыхнувшего весь Восток, было велико и для маленькой Хивы. В годовщину своей революции, хорезмское правительство от имени всего народа «перед лицом трудящихся всего мира» заявило: «Народы, веками носившие цепи рабства, угнетенные мировым империализмом, превратившим и Хорезм, некогда цветущую страну, в страну голодных рабов-страдальцев, — благодаря великой октябрьской революции получили свое освобождение. Героическая победа российского пролетариата над своими угнетателями дала и Хорезму свободу и независимость».

Сейчас небезынтересно вспомнить о прошлом Хорезма и взглянуть на те достижения, к которым пришла эта страна за трехлетний период своей революции, когда, порвав с деспотическим ханским прошлым, она превратилась в свободное государство — Независимую Хорезмскую Республику.

Некогда цветущий и могущественный Хорезм, под влиянием целого ряда исторических причин пришедший в состояние упадка и внутреннего разложения, в 1873 г. был, как известно, завоеван генералом фон-Кауфманом (туркестанским генерал-губернатором) и превращен в колонию царской России. Хива, в силу своей внутренней слабости, оказала лишь незначительное сопротивление царским отрядам, окончательно поставившим крест над ее независимостью. Вместе с тем, во главе Хивы была оставлена ханская власть, которая, как таковая, в сущности только выиграла от русских завоеваний 1873 г., ибо отныне она имела верную и надежную поддержку в лице начальников аму-дарьинского отдела и туркестанских генерал-губернаторов, направлявших в Хиву по первому обращению хана карательные экспедиции в целях «водворения внутреннего порядка» и «умиротворения» издавна враждовавших между собою, родственных по языку и религии, но искусственно разделенных национальностей страны. В це-

лях лучшей эксплуатации Хивы царское правительство руководствовалось давно испытанным в колониальной политике методом использования внутри-национальной и племенной розни — методом, позволявшим, под предлогом умиротворения враждующего населения, все дальше проникать в глубь страны и все теснее опутывать ее цепями экономического порабощения при благосклонном отношении к этому как самого хана и его чиновников, «верных слуг его величества», так и заинтересованного в торговле с Россией хивинского купечества. Больше всего от этой политики страдали, конечно, широкие массы населения. Разоренное, экономически угнетенное и политически бесправное, погловно безграмотное, погруженное в исключительное невежество, порождавшее грубый фанатизм и слепое подчинение духовенству — население изнемогало под бременем непосильных налогов и постепенно вымирало от нужды и бесчисленных болезней.

Так продолжалось до 1905 года, когда, под влиянием русской революции, послужившей толчком для начала движения в целом ряде восточных стран, в Хиве также впервые зародилась мысль об освобождении от ханского гнета. Однако, это был еще лишь весьма слабый революционный росток, вскоре, после наступившей в России реакции, задушенный жестокими преследованиями Эсфендиар-хана.

Но вот наступил 1917 г. и «белый царь», могущество которого казалось непоколебимым, пал под революционным натиском народных масс. Снова возрождаются надежды и в Хиве. Сторонники свободы — будущее ядро младо-хивинской партии — тайно собираются, просят поддержки у войск хивинского гарнизона и шлют делегатов к хану с требованием подписания манифеста об отречении и созыве Меджлиса: «От имени бедняков и по примеру России, мы требуем свободы, манифеста об отречении, созыва Меджлиса и ареста чиновников-притеснителей». Напуганный сначала, хан принял все требования и подписал «манифест», объявленный затем народу. Однако, Эсфендиар-хан понял затем сущность Временного Правительства, и после издания манифеста он дал знать в Ташкент генералу Куропаткину о происходящих в Хиве событиях. В то же время сторонники хана, чиновничество и духовенство вели широкую агитацию среди темных масс населения. Прибывшему из Ташкента казачьему полковнику Эйцеву без большого труда удалось подавить молодое движение. Уцелевшие сторонники освободительного движения вынуждены были бежать из пределов Хивы, куда в это время уже стали доходить вести о происшедшей в России октябрьской революции, провозгласившей принцип полного национального освобождения всех народов, входивших в состав бывшей царской империи, и отказ от всех видов колониального наследия.

После октября 1917 г. Хива перестала быть русской колонией, но ей, однако, предстояла еще большая и тяжелая борьба с своей собственной ханской и байской властью. Вдохновленные русской революцией и уверенные в том, что отныне ханская власть не найдет больше поддержки со стороны павшего русского царизма, младо-хивинцы повели усиленную работу в стране, где в это время власть находилась в руках одного из виднейших предводителей части туркменского

племени, жестокого и деспотичного Магомет-Курбан-Сардар-Джунаид-хана, в 1918 г. убившего Эсфендиар-хана и возведшего на престол последнего Хивинского хана Сеида-Абдуллу — бывшего лишь простым орудием в его руках. Молодо-хивинцы ставили перед собой следующие задачи: ниспровержение хана; передача народу ханского и бекского имущества, в чем бы оно ни заключалось; использование для бедноты земель крупных помещиков; уничтожение бесплатной принудительной работы; введение бесплатного обучения и лечения; образование народной власти и борьба с противниками революции.

Пользуясь поддержкой Эмира Бухарского и бежавших из Туркестана после октябрьской революции в Хиву царских жандармов и офицеров и не брезгая также шедшей из наводненной английскими войсками Персии английской помощью, Джунаид-хан самым жестоким образом расправлялся с младо-хивинцами. Но движение ширилось и, наконец, 2 февраля 1920 г. завершилось народным восстанием, к которому присоединились со своими племенами некоторые из главных туркменских вождей, как Кош-Мамед-хан, Гулям-Али и др. Последний хивинский хан Сеид-Абдулла был свергнут, а фактический хозяин страны Джунаид-хан, с остатками своих сторонников, бежал в пески.

Обращаясь к Российской Республике, революционный комитет младо-хивинцев писал: «Ныне ставится предел гнету разбойников, в течение многих лет герроризовавших нашу страну. С оружием в руках мы восстали против захватившего Хивинское ханство и деспотически хозяйничавшего в нашей несчастной стране хана Джунаида, и теперь мы, младо-хивинцы, прогнали продавшегося за английское золото изменника из его залитой кровью народа столицы. Мы уверены, что Советская власть, всегда стоявшая на страже пролетарского права и справедливости, не отвернется от протянутой за помощью руки трудящихся масс Хивы и поможет им в деле осуществления задач новой народной власти. Мы работаем ради освобождения из-под угнетения мирового империализма не только Хивы, но и всего Востока и надеемся, что вскоре этот измученный Восток заживет своею новой, светлой жизнью».

Собравшийся в апреле 1920 г. Первый Всехорезмский Народный Курултай (с'езд) объявил бывшее хивинское ханство упраздненным и провозгласил Независимую Хорезмскую Народную Советскую Республику. Правительство было составлено как из представителей преобладающего в Хиве узбекского населения, так и из представителей туркмен, сыгравших наиболее видную роль во время революционных февральских событий. Правительство обязалось «свято хранить свободу и независимость Республики» и приложить все усилия к искоренению национальной и племенной вражды между узбеками и туркменами.

Первое Хорезмское посольство в июне 1920 года прибыло в Москву во главе с Баба-ахунгом, и между двумя соседними республиками был заключен договор, первая статья которого гласила: «Исходя из провозглашенного РСФСР права всех народов на свободное самоопределение и отказа от колониальной политики бывших правительств России, эксплуатировавших и угнетавших бывшее Хивинское хан-

ство и его трудящихся, — Россия безоговорочно признает полную самостоятельность и независимость Хорезмской Советской Народной Республики со всеми вытекающими из такого признания последствиями и, во имя осуществления лозунгов, за которые борются российские трудящиеся, на вечные времена отказывается от всех тех прав, которые были установлены прежними российскими правительствами по отношению к Хорезмской Республике».

В примечании добавлялось: «Принимая во внимание, что стремление трудящихся бывшего Хивинского ханства отмежеваться от позорного прошлого привело Курултай к переименованию Хивинского ханства в Хорезмскую Советскую Народную Республику, РСФСР признает для себя обязательным переименование бывшего Хивинского ханства Хорезмской Советской Народной Республикой».

Согласно этому договору, все заключенные между царской Россией и хивинскими ханами договоры и соглашения объявлялись уничтоженными, Российская республика отказывалась от всех своих хивинских концессий, передавала хорезмскому народу все имущество, некогда отобранное у него царизмом, и обещало ему свою помощь в деле налаживания народного просвещения и экономического возрождения страны.

Однако, эта маленькая советская республика лишь вступала на путь своего нового развития и ей предстояло пройти еще длинный и тяжелый путь. От прежнего режима ей осталось в наследство расшатанное хозяйство, полное невежество, забитость и одичание населения и резко выраженная, питаемая экономическими причинами, национальная и между-племенная вражда. Если ко всему этому присоединить еще непривычку к самостоятельному государственному управлению и недостаток подготовленных работников, — то положение молодого хорезмского правительства представлялось в первое время почти безвыходным. Нужно к тому же иметь в виду, что уже в период мировой войны 1914 года русская мобилизованная промышленность прекратила снабжение бухарского и хивинского рынков, а транспорт, перегруженный военными поставками, отказался обслуживать восточные рынки и доставлять туда русский хлеб в обмен на мясное сырье, как хлопок, шерсть, каракуль, шелк и люцерну (кормовая трава). Последовавшая затем российская революция лишь углубила этот процесс и Хива оказалась фактически изолированной от внешнего мира и вынужденной искать самостоятельных путей к разрешению своих хозяйственных затруднений. Крестьянин-хлопковод и кочевник-скотовод, с одной стороны, лишился возможности сбыта своего сырья, а с другой стороны страдали от прекращения подвоза необходимых им продуктов промышленности. Крестьянское хозяйство приходило в упадок, хлеба не хватало и посевная площадь хлопка, этого национального богатства страны, стала быстро сокращаться, заменяясь посевами хлеба. Из всей посевной площади Хивы в 220.000 десятин, раньше около 150.000 десятин шло под засев хлопка и лишь незначительная часть засевалась хлебом. К 1921 г. положение резко изменилось и лишь 25.000 десятин осталось под хлопок, а на долю хлеба приходилось уже около двух третей всей посевной площади. Хлопководство, таким образом,

падало. То же происходило и с другими промышленными культурами, как например, с люцерной.

Судьба этой травы, служившей ранее богатым экспортным фондом, стоит внимания. Лет 30 тому назад министерство земледелия Северно-Американских Соединенных Штатов командировало в Туркестан специальную экспедицию с целью изучения местных промышленных культур. Среди последних экспедиций было обращено особое внимание на люцерну, семена которой дали хорошие результаты на американской почве, при чем выяснилось, что семена, вывезенные из Туркестана, дают значительно лучшие результаты, чем выращенные на американской почве. Это положило начало вывозу туркестанских семян люцерны через Гамбург в Америку, при чем к 1911 г. вывоз этот равнялся 400.000 пудов в год. Лучшими семенами оказались хивинские, которые и составляли главную массу экспорта. С началом войны вывоз люцерны прекратился и в 1916 г. Хива совершенно прекратила сбор ее семян, подрезая, таким образом, один из крупных источников своих доходов.

Правительство революционного Хорезма с первых же шагов стало лицом к лицу с хозяйственным развалом страны. Но как ни важен был этот вопрос сам по себе, тем не менее другой вопрос выдвигался еще более остро, требуя своего немедленного разрешения. Этот другой был — вопрос национальный — национальный лишь по внешности, по существу же чисто экономический.

Национальная вражда, раздиравшая на части хивинский народ, издавна была важнейшей причиной его постоянных бедствий и главнейшей опорой ханской власти и русского царизма. Земледельческая Хива с ее площадью в 55 тыс. кв. верст и с населением в один миллион представляет весьма пеструю картину в смысле племенного состава этого населения. Так, узбеки составляют 50%, туркмены — 30%, киргизы и каракалпаки — 15%, персы, татары и проч. национальности — 5%. В взаимоотношениях между всеми ими большую роль играют земля и вода.

Нужно твердо усвоить то положение, что вопрос о земле здесь, как и в большинстве восточных стран, является в сущности вопросом о воде. Земля, почти не имеющая естественного орошения, получает воду лишь в результате применения напряженного человеческого труда. Сеть обильных и малых арыков (оросительных каналов), берущих начало в Аму-Дарье, покрывает страну и ежегодная чистка их составляет обязательный и самый тяжелый труд земледельца, если он не желает видеть свои поля пустыми. Природа делает все возможное, чтобы сократить посевную площадь, так как русло Аму-Дарьи крайне капризно и систематически меняет свое направление, а движущиеся пески постепенно засыпают обработанные ранее с таким трудом земли, превращая их в бесплодную пустыню. Необходимо постоянное вмешательство человека и его неустанная борьба с природой.

Осевшие ранее других земледельцы-узбеки захватили главные головные арыки и тем самым фактически стали господами положения, ибо, как сказано выше, источники орошения, их сохранение и улучшение — это все в этой стране,

и кто владеет водой, тот экономически и господствует. Если вспомнить о том, что торговля, ремесла и религиозные центры сконцентрированы в узбекских районах, то станет ясно, что господствующей национальностью были узбеки.

Воинственные, но в полной мере бесправные туркмены-скотоводы долгое время кочевали со своими стадами, поставляя ханской власти вооруженную военную силу. Но удобных для скотоводства пастбищ с каждым годом становилось все меньше и меньше, т. к., с одной стороны, на них надвигались пески, а с другой, и без того редкие колодцы горько-соленой воды ныне почти все пересохли, и положение кочевников-скотоводов с каждым годом становилось все хуже и хуже. Кризис еще более обострился, когда на и без того недостаточные хивинские пастбища с 1916—17-18 г.г., после восстания в Семиречьи и наступившего затем голода, начался нашествие киргиз и других кочевников, который еще более усилился в связи с открывшимися впоследствии военными действиями на Актюбинском фронте. Такое «уплотнение», при все сокращающейся площади пастбищ, привело к тому, что туркмены стали постепенно оседать и начался так называемый «кризис кочевания». Так как пустующие участки земли не могли быть использованы туркменами для земледелия вследствие полного безводия, то им пришлось расселяться по соседству с узбеками, пользуясь лишь остатками слабо достигающей до конечных арыков воды. Плохо орошенные земли давали слабые урожаи; к весне среди туркмен наступал голод и тогда начиналась их вооруженная борьба за хлеб с безоружными узбеками. В то же время осевшие уже туркмены должны были в свою очередь обороняться от новых партий пришедших из степей кочевых туркмен.

Туркмены и киргизы, переходящие от скотоводства к земледелию, владели жалкое существование, составляя беднейшую часть населения. Отсюда вполне понятны мотивы так называемой «национальной и племенной вражды и ненависти». Хивинские ханы, при поддержке русского царизма, отлично расценивая создававшееся положение, но видя в разделении населения надежнейший оплот своей власти, не только не предпринимали никаких мер к расширению орошаемой площади, но категорически воспрещали туркменам заниматься даже чисткой своих собственных арыков. Эту работу должны были выполнять за них узбеки, за что туркмены вносили особую подать, шедшую в обширные карманы ханов и его чиновников, и из которой ничего не доставалось работающим узбекам. Отсюда — новый источник вражды и раздражения.

Разрешило ли первое Хорезмское народное правительство столь давно наболевший «национальный» вопрос?

Нет! Составленное в большинстве из элементов, лишенных истинного революционного сознания, не умевших забыть старые национальные счеты, оно быстро позабыло о завещанном первым народным Курултаем «прекращении национальной вражды и вечного мира между узбеками и туркменами». Вместо принятия органических мер в этом вопросе, правительство приступило к поголовному разоружению туркмен с карательными экспедициями и военно-полевыми судами. В отношении туркменских вождей проявлялось явное недоверие при полном отсутствии связи с туркменскими низами. Члены правительства — туркмены явно

игнорировались, а молодая красная армия составлялась исключительно из узбеков, совершенно оставляя в стороне туркмен. Все это кончилось сентябрьскими событиями 1920 г., когда вожди туркменских племен Кош-Мамед-хан, Бахши и более 100 других были предательски расстреляны правительством. Национальный мир был сорван, началось поголовное восстание туркмен, с разрушением узбекских городов. Джунаид—хан вновь вышел из песков, а реакционное духовенство и байство вновь подняло голову и зашевелилось. Гражданская война была в полном разгаре.

В апреле 1921 г. в Порсу, в центре низовых туркмен, собрался туркменский съезд, на котором специально Исполнительному Бюро было поручено заняться облегчением экономического положения туркмен с целью умиротворения страны. Но и узбекское население было крайне раздражено правительством, пассивным в отношении общих мероприятий и преступным в отношении туркмен. Мартовский переворот поставил во главе Хорезма новое Временное Правительство, сложившее свои полномочия в мае 1921 г. на Втором Всехорезмском Курултае.

Если первый Курултай явился скорее митингом, чем съездом, то второй носил уже чисто деловой характер. Более 200 собравшихся делегатов, из которых 56 туркмен, были проникнуты стремлением к миру и мыслью о том, что пора приступить к настоящему делу. Съезд был крайне оживлен и почти все делегаты, как узбеки так и туркмены, проявили большую активность.

Прежде всего была переработана и дополнена Конституция Республики. До второго Курултая Хорезм не имел специального законодательного органа и Совет Назиров совмещал в себе как законодательную, так и исполнительную власть. Это упущение было исправлено избранием Хорезмского Центрального Исполнительного Комитета Советов, при чем были также разработаны права и обязанности местных шуро (советов).

Национальный вопрос, как и следовало ожидать, занимал центральное место на съезде. Констатируя, что регулирование столь сложного вопроса не может ограничиваться одними лишь заверениями в чувствах дружбы и взаимного прощения старых обид, съезд выработал ряд практических мероприятий, долженствовавших в корне уничтожить межнациональное, экономическое и политическое неравенство. В целях повседневного сближения и тесной взаимной связи двух главных национальностей страны и для искоренения вековой вражды между ними; для отвлечения туркмен от своих чисто родовых и племенных интересов и привлечения их к общегосударственной деятельности, которая неизбежно расширит их горизонт и ознакомит с функционированием государственного аппарата; для предоставления им возможности самим отстаивать интересы своей народности перед центральными органами Республики Вторым Курултаем—при Хорезмском Центральном Исполнительном Комитете был создан специальный Туркменский Отдел, состоящий из семи туркмен, членов ЦИК.

Основными задачами Туркменотдела являются: «обследование и изучение экономических, правовых, политических и культурно-национальных условий туркменской жизни; содействие правительству в деле использования вод Аму-

Дарьи; борьба с наносными песками и скорейшее проведение кампании по орошению туркменских земель, содействие Революционному Военному Совету Республики в деле организации хорезмской Красной армии с привлечением к воинской повинности туркменского населения и участие в деле промышленно-технического и сельско-хозяйственного образования, которое способствовало бы развитию и улучшению скотоводства, кустарных промыслов и пр. среди кочевников и положило бы начало развитию интенсивного сельского хозяйства среди туркмен». Представительство туркмен было также обеспечено в местных шуро.

Таким образом 2-ой Курултай положил начало практическому разрешению туркменского вопроса. Съезд торжественно поклялся прекратить национальную вражду и в обращении к народу оповещал о состоявшемся объединении и призывал всех к совместной работе. Была объявлена всеобщая амнистия, а к туркменам, ушедшим с Джунaid-ханом в пески, было послано специальное воззвание с призывом вернуться и приступить к мирному труду, поборов старое недоверие к центральной власти. После всех этих резолюций, с большим подъемом был проведен «праздник объединения народов».

Вторым важнейшим вопросом на 2-м Курултае был вопрос земельно-водный, разрешение которого все время сильно тормозилось как присущим повсеместно Востоку отсутствием сколько нибудь правильной статистики и ненадежностью государственных аппаратов на местах, так и принявшей крайне резкие формы гражданской войной. Однако, постановление о раздаче бывших ханских и байских земель беднейшему дехканству, даже в случае его немедленного проведения в жизнь, не смогло бы обеспечить достаточной площади. И в этом отношении Курултаем был принят ряд постановлений, направленных на вполне осуществимое отвоевание у природы около 250-ти тысяч десятин земли при условии орошения ее путем проведения ряда крупных ирригационных сооружений. Это дало бы возможность обеспечить еще 300 тысяч населения из среднего расчета по 5-ти танапов на душу (1 танап равен одной шестой десятины).

Таким образом, аграрная реформа в Хиве является, в значительной мере, реформой ирригационной. Развитие уже существующих арыков, орошающих почти исключительно узбекские земли; орошение северо-западных туркменских земель путем углубления, расширения и удлинения арыков, берущих начало из Аму-Дарьи выше района Ходжейли; разработка сети периферийных арыков южной Туркмении в районе Хазават Базар Тахта, получающих лишь в скудных размерах воду из колоссальных годовных арыков, щедро орошающих узбекские земли; исследование и по возможности использование для нужд земледелия и скотоводства озерной площади в юго-западном Хивинском районе, который, затопляясь разливающимися озерами, страдает не от безводья, а от избытка воды, препятствующего земледелию; постройка новых и ремонт старых заградительных дамб в борьбе с разливами Аму-Дарьи и, наконец, борьба с постоянно заносщими хорезмский оазис песками путем рационального древонасаждения — вот те меры, осуществление которых даст Республике около полутора миллионов танапов вполне пригодной для земледелия и скотоводства земли, которой не только, как сказано

выше, можно наделить 300 тысяч хорезмских жителей, по и сохранить еще весьма солидный для этой страны резерв в 750 тысяч тапагов. Интенсификация сельского хозяйства, поднятие промышленных культур, снабжение дехканства более усовершенствованными орудиями труда, нежели омач и кетмень, и создание сети сельско-хозяйственных школ — все это дало бы возможность поднять земледелие в Хиве на значительную высоту.

Уже после 2-го Курултая при Земельном Отделе было создано Ирригационное Управление для скорейшего упорядочения земельно-водного вопроса.

Что касается скотоводства, то оно, являясь в прошлом одной из основных отраслей народного хозяйства, в настоящее время, под влиянием сокращения площади пастбищ и прекращения вывоза во время мировой войны и после-военного периода, катастрофически пало и сейчас во всей Хиве насчитывается лишь до 200 тысяч голов крупного скота и около 600 тысяч голов мелкого. Без принятия срочных мер, как в отношении отвоевания пастбищ у песков и снабжения их водою, так и в отношении заинтересованности и обеспечения за скотоводами внешнего рынка, хорезмское скотоводство осуждено на гибель.

Некогда богатая внешняя торговля Хорезма с Россией, Бухарой, Афганистаном и Персией сокращена сейчас до минимума, и все разговоры о ее поднятии останутся лишь мертвой буквой до тех пор, пока Республика не обеспечит себя, помимо всего прочего, хотя бы сколько-нибудь налаженным транспортом. Нужно заметить, что в Хорезме нет никаких железных дорог, и он располагает лишь речными и гужевыми средствами передвижения. И то и другое за период гражданской войны и внутренней междоусобицы сильно пострадало. Из Аму-Дарьинской флотилии, состоящей из мелко сидящих каюков (тип большой лодки), около тысячи каюков было разрушено, многие из них обветшали, а новые не строились. Было необходимо спешно поставить на ноги не менее 100 каюков общей грузоподъемностью до 170-ти тысяч пудов и в 1921 г. было приступлено к постройке флотилии из 70-ти крупных каюков общей грузоподъемностью до 150-ти тысяч пудов. При назирате Народного Хозяйства был создан специальный транспортный отдел и вскоре после 2-го Курултая на воду было спущено 32 каюка общей грузоподъемностью до 55 тысяч пудов. Гужевой транспорт также приводится в порядок и правительством приняты меры к созданию государственного транспорта этого вида, чтобы не обременять населения перевозкой людей, грузов и армии.

По военному вопросу «для обеспечения свободы и независимости Республики и ограждения ее как от собственной контрреволюции, так и от прощесков международного империализма», Вторым Курултаем было решено создание и упрочение Красной армии, рекрутируемой среди всего населения без различия племен и народов. Для поднятия технического и культурного уровня армии уже приступлено к созданию инструкторских курсов, военно-учебных и культурно-просветительных школ и пр.

В религиозном вопросе (менее остром среди свободных туркмен, имеющих лишь бедное трудовое духовенство, чем среди более фанатичных узбеков), 2-м Курултаем было провозглашено невмешательство государства в дела шариата и

религиозных институтов и неприкосновенность вакуфов, т. е. сборов, поступающих со специальных вакуфных земель и имеющих, согласно религии, назначение на благотворительные и просветительные цели.

Второй Курултай закончился сообщением о состоявшейся ратификации Русско-Хорезмского союзного договора и выражением «глубокой благодарности великому и свободному соседнему народу»: «Голос Хорезма, говорится в обращении к РСФСР, должен слиться со всеми другими голосами как уже освобожденных, так и угнетаемых еще мусульманских народов, благословляющих Российскую Советскую Республику, которая своим примером зажгла пожар восстания среди всех поработанных народов и, как яркое солнце, освещает путь угнетаемого всемирным империализмом мусульманства».

В промежутке между вторым и третьим Курултаем в Хорезме состоялся ряд съездов: профсоюзов, дехкан и компартии.

Что касается профессиональных союзов, то, поскольку Хорезм не являлся промышленной страной, постольку и о профессиональном движении в том смысле, в каком это принято понимать обычно, говорить не приходится. Новые, возникшие уже после революции, союзы сменили старые корпоративные цеховые организации, в которых объединялись как хозяева, так и ремесленники, и до последнего времени сохраняют еще некоторые следы своего прошлого. Наряду с сравнительно незначительным числом чистых пролетариев, главную массу союзов попрежнему составляют кустари и ремесленники.

Всего профессиональных союзов в Хиве насчитывается около 20-ти, из которых самым крупным является союз сапожников, затем идут мясники, маслобои, портные, гончары, кожевники, медники, кузнецы, стекольщики и другие профессии, составляющие более мелкие союзы. Классовое сознание постепенно начинает проникать в эти полу-пролетарские организации. В январе этого года состоялся первый съезд профсоюзов с числом делегатов в 100 человек от 8-ми тысяч избирателей.

Делегаты обследовали уже проделанную работу отдельных союзов, ознакомились с общим экономическим положением страны и выяснили основной смысл и задачи профессиональных организаций. Была выявлена роль профессиональных союзов, как будущих хозяев производства, выработаны основные положения работы и постановлено присоединиться к Профинтерну.

В декабре 1921 г. состоялся первый съезд безземельного и малоземельного дехканства.

Хорезм—страна земледельческая и крестьянские союзы могут иметь для ее жизни большое значение. Уже вскоре после революции во многих районах, для защиты интересов бедноты, были созданы союзы безземельных и малоземельных дехкан (союзы Кошчи), видевшие свою задачу в поднятии общего культурного уровня крестьянства и содействии более рациональному и прибыльному ведению его хозяйства *).

*) Следует отметить, что расселение населения в Хорезме несколько иное, чем в Туркестане. Вся масса оседлого населения живет в курганчах или

На первых порах дехканские комитеты часто подвергались преследованиям как со стороны духовенства, так и со стороны местных, не всегда соответствовавших своему назначению, властей. Уже второй Курултай признал полезным существование этих организаций и обязал правительство оказывать им полное содействие в отстаивании интересов крестьянства.

На декабрьский съезд дехкан прибыло 34 делегата от 2.600 членов союза. Констатируя, что союзы в своей работе стоят на правильном пути, и отметив их значительный рост, съезд утвердил устав союза и постановил: организовать Земельный Банк с выдачей ссуд дехканам для покупки рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря (безземельным и мало-земельным дехканам ссуда выдается безвозмездно); содействовать развитию сельских кооперативов и обратиться к РСФСР с просьбой об организации в Хорезме ярмарки для усиления товарообмена. Было также принято решение о тесном сближении с профессиональными рабочими организациями.

В декабре же состоялся также первый партийный съезд, состоявшийся из 37 делегатов от 1.200 членов Хор. Ком. Партии.

Молодая Хорезмская Коммунистическая партия, учитывая реальную обстановку хорезмской действительности, видит свою главную задачу для настоящего момента в содействии развитию среди крестьянства и рабочих сознания своих трудовых интересов, поддержке Советск. правительства в его деятельности, связи с местами, поднятии общего культурного уровня своих членов и развития среди них правильного понимания окружающего и сознательного отношения к своей работе. Съездом был принят проект партийной программы. Партия имеет свой орган на узбекском языке—«Солнце Революции».

В июле 1922 г. собрался 3-ий Курултай—Всехорезмский Съезд Советов. Можно сказать, что это был первый съезд, происходивший в мирной обстановке. Со зыву его предшествовали 28 районных съездов, сопровождавшихся выборами местных шуро. Были проведены также Туркменский и Киргизский съезды—первый из 200,—второй из 40 делегатов. На Курултай съехались 339 делегатов различных национальностей, в подавляющем большинстве дехкане-середняки. Каждый из делегатов принял участие в одной из трех комиссий—финансовой, военной и конституционной, чем обеспечивалось участие всех собравшихся в разработке и разрешении всех хозяйственных и политических вопросов.

Духовенство также было представлено небольшой группой. Нужно сказать, что хорезмское духовенство в значительной мере примирилось с революцией, и не так давно в хивинской газете было напечатано письмо за подписью «Ахун Ишан», в котором автор, один из виднейших представителей местного духовенства, пишет о том, что принципы ислама не противоречат существу советской власти, выдвигая

калах (пит хуторов), а кочевники в аулах. На скрещениих путей расположены кишлаки, которых сравнительно немного и которые также называют городами. Таким образом, кишлаки являются местными торговыми центрами с определенным постоянным населением. В некоторых местах на скрещениих путей имеются также базары (как базар Порсу) или амбары (амбар Монак), где постоянного населения почти нет.

гающей идею равенства и братства народов без различия рас и национальностей и провозгласившей, что религия является частным делом верующих.

Третий Курултай пополнил и окончательно утвердил Конституцию Республики, объявил об удачном завершении, при почти всенародном участии в них, военных операций против Джунаид-хана и зарегистрировал ряд достижений за период со времени второго Курултая, как в национальном вопросе, так и в общеэкономическом положении.

Констатируя радикальное улучшение узбеко-туркменских отношений, съезд сделал дальнейший шаг в этом направлении и «для обеспечения экономических и национальных интересов киргиз» постановил организовать при Хордики Киргизское Бюро по типу Туркменского отдела—«Курултай заявляет, что отныне на территории Хорезмской Советской Народной Республики нет более места междунациональной вражде. Все народы пользуются как равными правами, так и равными обязанностями. Лишается избирательных прав и объявляется контр-революционером всякий, кто является сторонником какого бы то ни было национального угнетения».

В земельном вопросе съездом было отмечено общее значительное улучшение. Исключительный урожай 1922 года объясняется тем, что утомленное долгой междоусобной войной и стремящееся к нормальной экономической жизни население, при чистке арыков выставило в 1922 году до 35-ти тысяч работников, очистивших арыки так, как это уже давно не было сделано, что, в свою очередь, обеспечило лучшее и более правильное поступление воды на поля. Туркмены также принимали участие в работах, и посевы на их землях были значительно выше прошлогодних. Вообще посевная площадь сильно повысилась; в некоторых местах почти в четыре раза выше прошлогоднего.

Курултай наметил проект создания при Назирате Земледелия Государственного Земельного фонда из бывших ханских земель для наделения землей безземельных и малоземельных дехкан и утвердил постановление об открытии Дехканского Банка с первоначальным капиталом в 200 миллиардов рублей и с предоставлением ссуд дехканам через посредство их комитетов.

Страна переживает несомненный обще-экономический подъем: отремонтирован и пущен в ход ряд хлопко-очистительных и кожевенных заводов, организовались общества по постройке бумажной фабрики и стекольного завода. В настоящее время Хорезм имеет уже свою собственную бумагу. Строительные работы также оживились, что указывает на несомненный рост экономической и политической устойчивости в стране. Около десятка кирпичных заводов сдано в аренду. Интересно отметить, что сдача заводов в аренду происходит при большой конкуренции—спрос превышает предложение. В то же время, для сохранения контроля и руководства, правительство само участвует во всех этих предприятиях, обеспечивая себе таким образом известную часть доходов.

Ввиду расширения торгово-промышленной деятельности было решено упразднить Экономический Совет, заменив его Назиратом Торговли и Промышленности.

Уже после окончания 3-го Курултая, 20-го октября 1922 г. Хорциком, взамен прежнего экономического соглашения, был ратифицирован новый торговый договор с РСФСР, облегчающий и поощряющий внешнюю торговлю Хорезма.

Все эти экономические и промышленные достижения все дальше удаляют Хорезм от его прежнего положения страны-колонии и ставят его на собственные ноги.

В области достижений нужно еще отметить открытие, в начале декабря 1921 г., в 24 верстах от столицы, первого в Хорезме железного Базар-Караманского моста в 25 сажен длины, заложенного еще в 1912 г., и решение 3-го Курултая приступить к прорытию нового Питнякского арыка в 240 верст длины от города Питняк до долины Уаз, который соединит озерный район с безводными туркменскими землями.

В области просвещения также достигнуты известные результаты. Некогда поголовно безграмотный Хорезм ныне насчитывает 12 новометодных народных школ, 6 школ-интернатов, 3 женские школы и 1 учительскую семинарию, с общим числом учащихся свыше 2.000 человек. В марте этого года, по случаю годовщины революции, открыт народный театр на 1.000 чел.

Курултай уделил особое внимание постановке внешкольного образования и борьбе с безграмотностью населения, для чего было постановлено образовать сеть школ на национальных языках—туркменском, киргизском и каракалпакском. Для получения высших, общих и технических знаний, решено наиболее способных учеников, получивших первоначальное образование, направлять в высшие учебные заведения РСФСР и за границу.

Следующие Курултай, несомненно, поставят на очередь дня вопросы: проведения шоссейных дорог внутри страны, расширения единственной сейчас телеграфной линии Хива—Ташкент по всей территории Хорезма, ибо отсутствие связи лишает всякой гибкости его государственный аппарат и приводит к полной невозможности администрирования страны; развития пушного и рыбного промыслов: улучшения сортов каракуля, в целях поднятия его экспорта, равно как и экспорта люцерны и, наконец, создания более обширной сети хлопкоочистительных и кожевенных заводов и устройства прядильно-ткацких фабрик.

Однако, все эти реформы, как бы настоятельно они ни были необходимы для страны, нуждаются прежде всего в упорядочении финансового вопроса, что и было учтено последним Курултаем.

В Хорезме, как и повсюду сейчас, бумажная эмиссия приняла огромные размеры, вызвав повышение товарных цен. Еще второй Курултай серьезно останавливался над этим вопросом и тогда же было решено провести по всей стране единый натуральный 10% налог.

Третий Курултай высказался за необходимость упорядочения финансовой политики с введением строгого контроля эмиссии и установлением твердого государственного бюджета. С этой целью был учрежден Государственный Банк и учреждение Налоговая Палата, которая будет следить за правильным поступлением налогов. Утверждена целая система как старых, так и новых налогов (натураль-

ный, промысловый, налог на скот, за сдачу в аренду базаров, заводов и каюков) и платность государственных и коммунальных услуг. Однако, для немущих обучение и медицинская, ветеринарная и агрономическая помощь остаются бесплатными.

Авантюра Энвера-Паши вызвала резкое осуждение Курултая, и по докладу о внутреннем и внешнем положении Хорезма Съезд, обсуждая события последнего года: басмаческое движение в Средней-Азии, контр-революционные заговоры и тяжелую борьбу бухарского народа с предателем Энвером-Пашой,—заявил, что «все это будит спящих и зовет все народы освобождающегося Востока к тесному союзу советских республик в борьбе с врагами Советской России, единственно обеспечивающей всестороннее развитие освобожденных стран Востока».

В конце съезда были произведены выборы нового ЦИК из 60 чел., причем в президиум из 7 чел. вошли председатели Туркменского Отдела и Киргизского Бюро. Председателем Республики был избран коммунист Хаджи Баба Абдулла Ходжиев.

Подводя итоги работам третьего Курултая, можно сказать, что он констатировал как внутреннее успокоение страны, так и общий подъем ее хозяйственной и экономической жизни и явился как бы «регистратором положительных достижений».

Многое еще не разрешено в современном Хорезме, многое еще лишь только намечено, но путь пройден большой, главные вехи поставлены, приобретен богатый опыт и создан способный к дальнейшей работе государственный аппарат. Все это заставляет думать и надеяться на то, что молодая Хорезмская Республика, преодолевшая такие, казалось бы, непреодолимые трудности, стоит на верном пути и в дальнейшем окончательно изживет те недочеты и погрешности, которые в настоящее время еще тормозят и затрудняют правильное развитие ее жизни.

Хорезмский народ отдает себе ясный отчет о роли великой Октябрьской Революции и ее значении для народов Востока. Это сознание не только твердо живет в нем, но и вполне ясно выражено в следующем пункте Хорезмской Конституции: «Переворот 27-го февраля и затем Октябрьская Революция, в основе разрушившая буржуазный строй России и повлекшая за собой гибель российского капитализма, обезглавила союз угнетателей хорезмского народа, лишив хана и местную буржуазию возможности опираться на силу России против своих соплеменников. В силу этого, гибель российского капитализма неизбежно повлекла за собой гибель и ханской власти и власти крупной буржуазии, а российский пролетариат, освобождая себя, освободил все угнетавшиеся царской Россией народности, предоставив им право определить свою судьбу по желанию самого народа, согласно со своим бытом и культурным уровнем развития».

Эта часть Конституции свободного Хорезмского народа является лучшим памятником Октябрьской Революции.

А. Виноградова.

Бухарская Советская Народная Республика.

Бухара или «Бухара-и-Шариф» («Благородная Бухара») являлась долгое время одним из крупнейших центров мусульманской культуры.

Перед завоеванием Средней Азии Россией бухарские эмиры из года в год занимались тем, что с переменным успехом вели войны с кокандскими ханами. Обе стороны обычно сталкивались около города Ура-Тюбе. Эти войны, особенно в первой половине прошлого столетия, были настолько обычным явлением, что народная масса до сего времени сохранила о них воспоминание в форме детской игры «Ура-Тепе менске!» («Ура-тюбе наше!»).

Завоевание Средней Азии, доставившее такую громкую славу царским генералам (Скобелеву и др.), не представляло в сущности никакого затруднения. Судьба ханств Коканда, Бухары и Хивы к тому времени была предпрешена. Единственным препятствием к осуществлению идеи завоевания Средней Азии являлось отсутствие перед тем благоприятной для России международной ситуации, которая вскоре наступила.

Пруссия — союзница России (руско-пруссский союз 1863 года) на голову разбила Австрию. Англия — единственная соперница России в Азии — была изолирована. Тогда движение России на юг и восток, прерванное при Николае I-м крымскою войною, снова возобновилось, и в течение нескольких лет вся Средняя Азия была покорена.

Бухаре была оставлена фикция внутренней самостоятельности в лице эмира, который с этого момента должен был управлять своей страной под контролем и руководством политического агента Российского императорского правительства. С тех пор в течение более пятидесяти лет Бухара являлась точно такой же колонией царской России, как и остальные окраины, но с той лишь разницей, что Бухарой управлял не губернатор, а политический агент через эмира. Железная дорога, проведенная через Бухару и связавшая ее с Кавказом и Поволжьем, быстро втянула эту страну в сферу влияния российского капитализма. Бухара, бывшая до того маленькой средневековой деспотией, живившейся на феодально-патриархальных общественных отношениях, так же, как Туркестан, быстро зашагала по пути капиталистического развития.

Эта создававшаяся «смычка» эмира с царским правительством чрезвычайно ловко маскировала перед бухарским населением «русские пушки» и в значительной степени задерживала правильный и нормальный рост общественных отношений внутри страны. Бухарская государственность с ее средневековыми воззрениями и порядками, с ее отсталым законодательством и аппаратом, стала политической аномалией. Новое буржуазное бухарское общество, образовавшееся под сенью российского капитализма и выполнявшее, главным образом, торгово-посреднические функции между российским капиталом и бухарским производителем, стало ясно чув-

ствовать потребность некоторых, хотя бы элементарных, реформ в деле управления страной. Это особенно сказалось после Российской революции 1905 года.

Но прежде, чем говорить о роли бухарских «джалидов» (новаторов), необходимо ознакомиться несколько подробнее с социально-экономической и политической структурой Бухары перед революцией.

Бухара занимает территорию в 210 тысяч кв. километров, из которых только 10% может быть признана годной для земледельческой и иной культуры (хлопководство, хлебопашество и скотоводство). Населения, по приблизительным данным, насчитывается около 2 милл. и состоит оно в большинстве своем из узбеков. Кроме узбеков, на территории Бухары живут киргизы (около 6—7%), туркмены-эрсаринцы (около 7—8%), таджики, евреи, арабы (ассимилировавшиеся с узбеками потомки древних завоевателей) и др. Статистических переписей в Бухаре никогда не производилось, а все расчеты и современного республиканского правительства Бухары основываются обычно на предположениях отдельных «амлякдаров» и т. п. лиц, которые, объезжая различные провинции и собирая всякого рода слухи с населения, могли составить некоторое представление о количестве жителей в стране. Этим обстоятельством и объясняются те изменения, которые происходят даже в официальных сообщениях о количестве жителей той или другой провинции этой страны. В административном отношении Бухара делилась на 35 бекств (вилайеты), управлявшихся назначаемыми эмиром беками.

Эмир являлся абсолютным правителем, распоряжавшимся и жизнью и имуществом своих подданных по своему благоусмотрению. Но на практике власть эмира простиралась только на оседлую часть населения (главным образом, на узбеков), которая, будучи связана с землей и более подвержена, чем кочевники, влиянию духовенства, терпеливо из поколения в поколение переносила на своих плечах гнет эмира. Кочевники же, при слабости бухарской армии, малодоступности своих кочевых стоянок и сильной родовой организации, чувствовали себя более свободно. Родовая организация кочевников была неприкосновенна. Каждое племя управлялось видными представителями родов, пользовавшимися поддержкой и благосклонностью эмира. Во всяком случае последний побаивался без крайней на то надобности тревожить и без того не особенно спокойных жителей гор и степей. К тому же, эмир, нуждаясь при своей системе правления более, чем кто-либо из монархов мира, в надежном кадре охраны, вербовал своих опричников из среды темных, но всегда верных туркмен и т. п. Туркменская и казачья (терцы) гвардия эмира должна была наводить священный трепет к особе «аал-хазрата» («его высочество»).

40.000 человек мусульманского духовенства (на каждые 50 жителей приходился один мулла), пользующегося безотчетно огромными вакуфами (вакуфы — церковные имущества — недвиж. и движ.), должны были неизменно подкреплять своим авторитетом и цитатами из шарията (кодекса, основанный на Коране) власть эмира. Таким образом, вся тяжесть эмирского гнета обрушивалась на земледельческие и торговые элементы населения. Даже многотерпеливое бухарское крестьянство не раз восставало (последнее восстание было в Шахрисабзе перед

самой революцией) против власти эмирата, рискуя навлечь на себя проклятие духовенства, не говоря уже о карательных экспедициях эмира и туркестанского генерал-губернатора. Также и торгово-посреднические слои Бухары, торговавшие, главным образом, продуктами сельского хозяйства и скотоводства (хлеб, шерсть, каракуль и т. п.), более нервно начали относиться к невыносимому порядку управления в своей стране. Именно эти два слоя, главным образом, выделили из своей среды группу революционеров, которая впоследствии раскололась на две части («младобухарцы-революционеры» и «бухарские коммунисты»).

Промышленность, за исключением кустарной, организованной по принципу средневековых европейских цехов, и чрезвычайно мизерной — горной (золотые россыпи, концессированные швейцарскими капиталистами), совершенно отсутствовала. Таковы в общих чертах картина экономической и политической жизни «Благородной Бухары» до гражданской войны в России.

Революция, особенно социальная революция, не могла не затронуть и не потрясти глубоко всего социально-экономического уклада маленькой Бухары. Ко многим другим причинам прибавился «механический» отрыв Бухарского народного хозяйства (благодаря юренбургскому и закаспийскому фронтам) от России, который не мог безболезненно пройти для Бухары. При таких условиях произошло свержение эмирата и организация Народной Советской Республики Бухары, находящейся ныне в договорных отношениях с Р. С. Ф. С. Р.

Старая Бухара, игравшая в течение последних лет роль контр-революционного очага для всех беглых русских офицеров из Туркестана и английских друзей эмира из Индии, прекратила свое существование, и 14 сентября 1920 г., над дворцом эмира взвился красный флаг Б. Н. С. Р.

Новое бухарское правительство, собирая свои национальные ценности, подводя итоги своим запасам сырья, решило стать на организованный и планомерный путь товарообмена с Россией, как единственно возможный выход из создавшегося тяжелого экономического положения.

Одновременно с этим принимались меры к ликвидации национальных и племенных распри, которые мешали плодотворной работе. В национальном вопросе Бухарское правительство руководствовалось программой коммунистической партии, принятой на 2-м курултае Б. К. П., один из пунктов которой гласит:

1. Б. К. П. отстаивает полное равноправие всех национальностей, проживающих на территории Б. Н. С. Р., и не допускает деления на господствующие и подчиненные нации.

2. В частности, все национальности Б. Н. С. Р. пользуются совершенно одинаковыми правами: а) быть избирателями и избираемыми во все местные и центральные органы власти; б) свободно распоряжаться своим имуществом в пределах, установленных общегосударственным законом; в) на получение всякой правительственной помощи; г) на образование и т. п.

3. Граждане всех наций одинаково ответственны перед законом и имеют одинаковые налоговые обязанности.

4. За всеми нациями Б. Н. С. Р. признается право пользования родным языком в школьном деле, литературе и судопроизводстве.

Эта платформа должна явиться залогом прекращения всяких распрей между двумя главными народностями Бухары: узбеками и туркменами.

Но новым революционным руководителям Бухары пришлось в самой тяжелой обстановке всеобщей разрухи вести упорную борьбу с басмачеством за укрепление нового строя. Эта борьба завершена сейчас вполне успешно. Теперь, на пороге третьего года существования Б. Н. С. Р., мы можем спокойно разобраться в причинах бедствий последних лет, в особенности басмачества.

Как мы подчеркивали выше, гражданская война и всеобщая разруха, как следствие мировой и гражданской войны в России, должны были глубоко захватить и хозяйственные и политические устои Бухары. Вот цифры, определяющие внутренние причины зарождения басмачества:

Годовой экспорт Бухары.

	До 1917 г.	В 1921 г.
Хлопка-волокна	до 2.000.000 п.	142.000 п.
каракуль	» 2.000.000 шт.	100.000 шт.
шерсти	» 350.000 п.	14.000 п.
солодкового корня	» 900.000 п.	—
кишеч	» 1.000.000 шт.	—

Годовая производительность Бухары.

	До 1917 г.	В 1921 г.
Хлопок	2.000.000 п.	100.000 п.
каракуля	1.700.000 шт.	200.000 шт.
шерсти	280.000 п.	50.000 п.
солодкового корня	» 900.000 п.	—
кишеч	1.000.000 шт.	—

Годовой импорт Бухары.

	До 1917 г.	В 1921 г.
Мануфактуры разной	550.000 п.	3.850 п.
ч а я	550.000 п.	— 4.000 п.
сахара	150.000 п.	—
москательных товаров	150.000 п.	1.000 п.
железа и железных изделий	200.000 п.	8.240 п.
посуды разной	15.000 п.	—

На фоне головокружительного падения производства, импорта и экспорта страны, разрыва всех старых экономических связей, подрыва основ крестьянского хозяйства, падения интенсивной хлопковой культуры, промахов молодой власти Республики (национализация вакуфов и т. п.), агенты бывш. эмира и его англо-

афганских «друзей» нашли благоприятную среди темного крестьянства почву для организации басмачества и попытки реставрации эмирата. Тем же друзьями эмира был использован Эшвер-паша, который своим именем и военной практикой должен был в глазах мусульманского мира придать престиж заговору, затянному против бухарского народа. Но, подобно басмачеству Туркестана, бухарское движение также почти сведено на нет рядом военно-политических и экономических мероприятий Б. Ц. И. К.

Укрепившееся влияние Советской власти в Бухаре должно сейчас привести к окончательной ликвидации жалких остатков басмачества, в небольшом количестве скрывающихся еще в горах восточной Бухары. Этому будет способствовать также заметное оживление экономической связи Б. Н. С. Р. с Р. С. Ф. С. Р., ведущее к восстановлению народного хозяйства первой.

Руководители современной Бухары серьезно взялись за выполнение своей экономической программы, которая несомненно будет осуществлена при содействии чрезвычайной заинтересованности в ней России.

Нельзя не отметить также предпринимаемых Бухарским Циком шагов по организации кампании на концессионных началах для отвода части воды Аму-Дарьи и орошения огромных участков пустующей ныне земли. Далее предпринимается также целый ряд мер по осушке болот вокруг г. Бухары, помощи пострадавшему от басмачества крестьянству и т. д.

На-ряду с этими нетерпящими отлагательства мерами экономического порядка, бухарские работники не забывают другой, не менее важной государственной задачи — задачи просвещения.

Ко времени, когда революционная борьба достигла своего апогея и эмирское правительство было свергнуто, дело народного образования и просвещения представляло самую грустную картину. Грамотных в Бухаре насчитывалось около 3%, школы (мечетно-приходская «мактаб», средняя и высшая духовная семинария «медресе») находились в упадочном состоянии, не давая не только никаких знаний светского характера, но не отвечая даже своему прямому назначению, быть рассадниками религиозных знаний. Педагогические приемы и гигиенические условия в этих школах были самые невероятные, и революционному правительству Бухары пришлось строить дело народного образования на пустом месте.

Назират просвещения открылся 9-го сентября 1920 года в составе всего двух отделов: вакуфного и финансового. В октябре месяце было составлено положение о Назирате, были открыты 3 образцовых школы, организованы отделы школьного и внешкольного образования, набран штат инструкторов, в числе которых состоял и известный поэт и ученый Бухары — Фитрат. В настоящее время при назирате Просвещения имеются семь отделов: школьный, внешкольный, вакуфный, финансовый, хозяйственный,¹ издательский и отдел национальных меньшинств. Открыты отделы народного просвещения и в провинции.

Работа школьного отдела, которому впоследствии были переданы дела учебного подотдела внешкольного образования, к концу 1921 года выразилась: 1) в учете детей школьного возраста по вилайетам; 2) открытии в Бухаре 135

начальных школ и 45 курсов для борьбы с неграмотностью, с общим количеством учащихся — 3.000 человек. Женских школ имелось только две в гор. Бухаре. На педагогических курсах подготовлено 143 учителя, для которых во время летних каникул были устроены повторительные курсы. На-зиратом просвещения открыты также свои мастерские для изготовления перьев, ручек, татрадей, досок и пр.

Внешкольный отдел распадается на подотделы: театра и музыки, читален и библиотек, истории и археологии. Театральное дело получает понемногу в Бухаре свое развитие. В Старой Бухаре имеются 2 летних сцены и 3 народных дома. Узбекских пьес, написанных в Бухаре, очень мало; они не напечатаны и ими пользуются в рукописях. Одним из первых бухарских драматургов явился — Фитрат. Спектакли пользуются среди местного населения большим успехом. Открыты также 2 музыкальные школы, одна европейской музыки и вторая националь-ной, восточной.

Подотдел археологии и истории занимается изучением и собиранием предметов старины и искусства. Собираются исторические рукописи для центральной библиотеки. Составляются списки ценных рукописей и биографии выдающихся деятелей Востока. В библиотеках и читальнях Бухары собрано до 10.000 книг, в вилаятах существует 15 библиотек.

Наряду с этим широко практикуется посылка молодых бухарцев для обучения в Москву и за границу (Германия); организован перевод литературы с русского и т. д.

Вот вкратце положение этой прежней колонии, которая, несмотря на веками культивировавшееся там невежество, при помощи РСФСР пробивает себе сейчас путь к прогрессу, на основе того опыта, который дали ей завоевания Октября.

Дервиш.

